

Заур 2. Заберу тебя себе

Автор:

[Анастасия Шерр](#)

Заур 2. Заберу тебя себе

Анастасия Шерр

+БОНУС!

Я доверилась ему, впустила в своё сердце, хотя когда-то обещала себе и дочери, что больше не буду любить. Доверилась и была за это наказана. А теперь, глядя в глаза будущего нелюбимого мужа, понимала, что выхода нет...

- Мне жаль. Жаль, что ты заставила меня сделать то, что я сделал.

Мне тоже. Мне тоже очень жаль, что сердце до сих пор плачет по тому, кто того не стоит.

- Он... Не вернулся? - знаю, как глупо спрашивать об этом Альберта. Но мне необходимо убедиться ещё раз, что Заур меня предал. Зачем? Понятия не имею. Наверное, я всё-таки мазохистка. - Тебе хватает наглости спрашивать меня о своём любовнике? Испытываешь моё терпение или просто с ума сошла? - отдать должное Банкиру, ни одним жестом он пока не выдал свою ярость. Но я её чувствую. Вижу, как клокочет в нём этот гнев.

Содержит нецензурную брань.

Анастасия Шерр

Заур 2. Заберу тебя себе

Я доверилась ему, впустила в своё сердце, хотя когда-то обещала себе и дочери, что больше не буду любить. Доверилась и была за это наказана. А теперь, глядя в глаза будущего нелюбимого мужа, понимала, что выхода нет...

- Мне жаль. Жаль, что ты заставила меня сделать то, что я сделал.

Мне тоже. Мне тоже очень жаль, что сердце до сих пор плачет по тому, кто того не стоит.

- Он... Не вернулся? — знаю, как глупо спрашивать об этом Альберта. Но мне необходимо убедиться ещё раз, что Заур меня предал. Зачем? Понятия не имею. Наверное, я всё-таки мазохистка.

- Тебе хватает наглости спрашивать меня о своём любовнике? Испытываешь моё терпение или просто с ума сошла? — отдать должное Банкиру, ни одним жестом он пока не выдал свою ярость. Но я её чувствую. Вижу, как клокочет в нём этот гнев. — Что ж... Ладно. Это тебе, — только сейчас вижу в его руке стопку каких-то бумаг, которую он швыряет мне.

Это снимки. Целая куча фотографий. Свадебных фотографий. А на них Заур и... Его невеста? Или теперь уже жена?

Боль вонзается острием под рёбра, достаёт до сердца. А потом вспыхивает и в пламя превращается. Прямо сейчас, в этот момент я окончательно понимаю, что это всё. А должна была понять раньше... Понять, что нет у нас будущего. Только не с ним, не с тем, кто не принимал меня с самого начала. Мы же из разных миров! Как я могла поверить, что Заур забудет, кем я была? Как я могла ему поверить, что у нас будет всё по-другому?

- Они настоящие. Не подделка, — прерывает затянувшуюся паузу Альберт.

- Знаю, — шепчу, осторожно отодвигая от себя фотографии.

Дождь крупными каплями стучит по крыше, и этот звук отдаётся в сознании болезненным эхом. Вырывает меня из сна, заставляет очнуться. Я со стоном открываю глаза, вонзаюсь взглядом в темноту. Почему так темно? Окна зашторены? Или...

Я содрогаюсь от страшных догадок, тихо всхлипываю. Это был не сон. Всё случилось по-настоящему. Яркими, режущими вспышками я возвращаюсь во вчерашний день.

Альберт, его взгляд тяжёлый и жуткий. Кощей со своими белесыми рыбьими глазами и запахом крови.

- Не надо, - прошу Банкира, всматриваясь в его лицо, мотаю головой. Кровь из разбитого носа капает мне на грудь, а из-за слёз образы мужчин смываются. Но я уверена, он сейчас взирает на меня с презрением и ненавистью. — Я виновата. Прости. Прости меня... Я не могу. Не могу вернуться. Я не смогу забыть. Прости...
- жалко скулю у его ног, на что Альберт раздражённо выдыхает и нервно дёргает головой.

- Дура. Чего тебе не хватало? Мм? У него член больше? Или что? Ради чего ты похерила всё, что я тебе дал?

Огромный ком в горле заставляет меня замолчать, да и не в силах я больше оправдываться. Лишь тихо вою, свесив голову на грудь.

- Давай, - слышу приказ, отданный Кощей, и вскрикиваю, когда меня резко поднимают за волосы, запрокидывают голову, и острый нож касается кожи на шее.

И лишь одна мысль... Марианка моя... Девочка моя маленькая. Прости меня, прости!

Пробуждение тяжёлое, резкое, отрезвляющее. Меня буквально встряхивает от всплывших воспоминаний. О том, как я обещала себе и дочери, что больше никого не пущу в своё сердце. Не позволю больше никому предать меня. А получается, позволила. Снова. Опять поверила тому, кому верить не следовало.

А он нас предал. Уничтожил.

Мариаша... Моя маленькая девочка. Я снова тебя подвела. Эгоистично и подло. Потому что думала только о себе. О любви своей идиотской.

– Рад, что ты проснулась.

Судорожно глотаю воздух, хватаюсь за горло.

Альберта не видно, но теперь, услышав его голос, я начинаю чувствовать и его присутствие. Оно тяжёлое, давящее.

Я хочу что-то сказать, но не получается выдать из себя и слова.

– Не плачь, – включается настольная лампа, а я испуганно шарахаюсь в сторону, отползаю к изголовью кровати. Лицо Альберта в слабом освещении кажется очень уставшим, посеревшим. И щетина отросла... Сколько же прошло времени с того дня? – Ты была без сознания три дня. Иногда приходила в себя, бредила и снова отключалась, – отвечает на непрозвучавший вопрос.

– Ма... Мариа... – мой голос охрип, почти не слышен. Горло стягивает тугая повязка, тянет кожу. Говорить больно, но я пытаюсь. Мне необходимо знать, что с дочкой всё в порядке.

– Она в безопасности. Ты же не думала, что я стану мстить ребёнку? – тон Альберта холодный, резкий, но меня окутывает теплом от того, что с Марианной всё хорошо. Я ему верю.

– Спасибо... – шепчу слабо, окончательно убедившись, что говорить нормально ещё долго не получится. Если смогу вообще.

– О благодарности нужно было думать, когда предавала меня, – хлещет своими словами, будто по щекам бьёт. – Но ты не думала. Ты выбрала член чеченца, забыв обо всём, что я для тебя сделал.

Я опускаю взгляд на свои руки: они мелко дрожат, и никак не получается сжать кулаки.

– Мне жаль. Жаль, что ты заставила меня сделать то, что я сделал.

Мне тоже. Мне тоже очень жаль, что сердце до сих пор плачет по тому, кто того не стоит.

– Он... Не вернулся? – знаю, как глупо спрашивать об этом Альберта. Но мне необходимо убедиться ещё раз, что Заур меня предал. Зачем? Понятия не имею. Наверное, я всё-таки мазохистка.

– Тебе хватает наглости спрашивать меня о своём любовнике? Испытываешь моё терпение или просто с ума сошла? – отдать должное Банкиру, ни одним жестом он пока не выдал свою ярость. Но я её чувствую. Вижу, как клокочет в нём этот гнев. – Или до сих пор не веришь, что член, на который ты меня променяла, нашёл другую дырку? Что ж... Ладно. Это тебе, – только сейчас вижу в его руке стопку каких-то бумаг, которую он швыряет мне.

Это снимки. Целая куча фотографий. Свадебных фотографий. А на них Заур и... Его невеста? Или теперь уже жена?

Боль вонзается острием под рёбра, достаёт до сердца. А потом вспыхивает и в пламя превращается. Прямо сейчас, в этот момент, я окончательно понимаю, что это всё. А должна была понять раньше... Понять, что нет у нас будущего. Только не с ним, не с тем, кто не принимал меня с самого начала. Мы же из разных миров! Как я могла поверить, что Заур забудет, кем я была? Как я могла ему поверить, что у нас будет всё по-другому?

– Они настоящие. Не подделка, – прерывает затянувшуюся паузу Альберт.

– Знаю, – шепчу, осторожно отодвигая от себя фотографии. Не могу. Не могу это видеть. – Почему? – всё так же тихо, поднимая глаза на Банкира.

– Что «почему»? – вздыхает, сцепляя руки в замок.

– Почему ты не убил меня? – да, я не верю, что у Кощея не хватило сил вскрыть мне горло. Уверена, он этим занимался и не раз. Значит, такой был у него приказ. Порезать, но не убивать.

– Не смог. Я хотел, Илана. Хотел, правда. И даже какое-то время думал, что смогу. Но не вышло. Слишком глубоко ты забралась. Вот сюда, – стучит пальцем по своей груди.

– И что теперь? – звучит совсем безнадежно.

– Мы поженимся. Как и собирались. И забудем всё то, что произошло. Иначе мне придется тебя убить взаправду.

ГЛАВА 2

За три месяца до событий в первой главе

Резкая головная боль и жуткая тахикардия. Во рту сухо и горько. Не понимаю, что происходит. Где я вообще? Я же была дома... С Зауром. Что случилось?

– Мариаш? – зову дочь и только потом вспоминаю, что оставила её с тётёй Ниной. Потом была встреча с Банкиром, его ультиматум, охрана, квартира... И Заур, поджидавший меня там.

Сволочь. Это он сделал. Похитил меня.

Подтверждение моей догадке тут же, валяется рядом на кровати, закинув руки за голову, лениво наблюдает за мной.

– Что ты наделал?! – взрываюсь, толкаю его в бок. Но гаду хоть бы хны. Лишь продолжает наблюдать за мной с равнодушным видом.

Я вскакиваю, благо одетая, и несусь к двери. Кажется, мы в гостиничном номере.

– Ты не сможешь выйти, Илана. И шуметь тоже не имеет смысла.

Останавливаюсь у двери, прикладываюсь к прохладной поверхности лбом. Я ему верю. Раз этот ненормальный притащил меня сюда, значит, здесь никто мне не поможет. Нужно поговорить, убедить, попытаться объяснить. И желательно бы спокойно, но меня так трясёт и пробирает злостью, что едва ли смогу подобрать правильные слова.

– Зачем ты это делаешь? – устало вздыхаю, качаю головой. – Зачем рушишь мою жизнь?

– Мы с тобой уже говорили об этом, – поднимается с кровати, шагает ко мне и, обхватив рукой за талию, с силой тянет назад. Впечатывает меня в своё твёрдое тело, зарывается носом в затылок. – Я принял решение.

– Перестань, Заур! – силуюсь вырваться из его захвата, но это бесполезно. Он только сильнее сжимает меня в своих огромных ручищах. – Я тоже приняла решение! И оно не в твою пользу! Я замуж собираюсь, слышишь? Не за тебя! – меня трясёт, но явно не от отвращения, за что ещё больше себя ненавижу. – Отпусти! Мне нужно к дочери!

– Нет, – шепчет мне на ухо, сжимает горло свободной рукой. Сильно сжимает, так, что я начинаю задыхаться. – Дочь твою привезу позже, когда заметём следы. А сейчас успокойся. Всё равно никуда от меня не денешься, не трать силы понапрасну. Нам ещё долго кататься по стране, пока не появится возможность уехать.

Зло усмехаюсь, дёргаю головой.

– Да что ты? Так сильно его боишься? Тогда, может, отступишься, наконец, и дашь мне с моей дочерью устроить нашу жизнь? – не знаю, зачем провоцирую его. Наверное, просто от злости и обиды. Хотя знаю, что его мои слова заденут.

Так и есть. Я чувствую это по сжавшейся на шее руке и резкому выдоху в ухо.

– Кого боюсь? Банкира твоего? – хмыкает. – Ты даже не представляешь, от кого мы скрываемся. Банкир – младенец по сравнению с ними. Я не боюсь. Я не хочу, чтобы тебя у меня забрали. Чувствуешь разницу?

– Я не вещь, – цежу сквозь зубы. – Сколько ещё раз тебе это озвучить? Меня нельзя забрать или заставить делать то, чего я не хочу.

– Да ну? – хрипло шепчет, прикусывая кожу у ключицы, и я не сдерживаю дрожь, кричащую о том, как приятны его касания. Ненавижу... Ненавижу! – Тогда ты по своей воле здесь, со мной. И больше не станешь мне мешать. Ты будешь со мной, Илана. Будешь. Я не отпущу тебя. Не отдам.

Кружится голова, закрываю глаза. И не сразу понимаю, что он тащит меня назад, к кровати.

Дверь неслышно открылась, так же тихо закрылась.

– Альберт Станиславович?

– Как успехи, Виталик? – поднял на Кощея взгляд, тяжёлый, угнетающий. Злой.

Никогда не понимал, как можно хотеть что-то или кого-то и не иметь возможности это получить. Бред же. Хочешь – бери. Всё в твоих руках. Он вырос на этой истине, впитал её с молоком матери, сожрал с первым куском чёрствого хлеба, а потом и с бутербродом с икрой.

Поэтому, да, он не привык пасовать. Тем более перед всяким там дерьмом нахальным. В девяностые не пасовал и сейчас не собирался. В пыль этого щенка нерусского раскрошит. Уничтожит, с лица земли сотрёт.

– В общем, мы с ребятами прочесали город, но... – начал было оправдываться Кощей, чем вызвал новую порцию раздражения.

– Заткнись, – остановил его жестом руки и подался вперёд, сжимая пальцами бокал с коньяком. Алкоголь здорово ударил в голову, но не успокоил. Скорее, наоборот. – И слушай меня внимательно, Виталик. Очень внимательно. Так слушай, как никогда мамку в детстве не слушал. Я хочу свою Жемчужину. Верни мне её. Верни мне мою бабу, Виталик. Хоть откуда верни. Мне плевать, как ты её

найдёшь. Я хочу её. Хочу, чтобы она была у меня. Здесь, – угрожающе опустил увесистый кулак на подлокотник. – Ты меня услышал?

– Услышал, Альберт Станиславович.

– Действуй. Я больше не хочу слушать твои оправдания. Не заставляй меня отправлять тебя на пенсию.

Что значила «пенсия» для Кощея – он, конечно же, знал. Знал и, да, боялся. Кому ж захочется погибать ни за хер собачий. За тёлку какую-то, слабоватую на передок. А другого пути у Кощея и не было. Слишком долго при Банкире ходит, слишком много знает. Таких людей не отпускают на вольные хлеба. Такие либо за хозяином до конца, либо на «пенсию», так называемую.

– Я найду их, Альберт Станиславович.

Найдёт. А куда ж он денется?

Банкир уставился на дверь, закрывшуюся за Кощеем, сжал кулак до хруста.

Сука. Предала. Сбежала. Как чувствовал, хотел её у себя дома закрыть. Но пожалел, дуру. Думал, не стоит запугивать ещё сильнее и так не рассчитал пару раз. Пожалел, к ребёнку отпустил. А она, дрянь, сбежала с этим чеченом.

Склонил голову, провёл ладонями по коротко стриженным волосам. Хотелось выть. Орать хотелось. Безумно хотелось увидеть её. Хотя бы знать, что не забыла его.

А предательство её... Предательство он простит. Найдёт в себе силы. Может, изобьёт, измучает, накажет. Но простит. Скорее всего, да. Потому что понял: не сможет без неё. Загнётся от тоски.

Давно по ней сох. Как пацан какой. Как сопливый идиот. Ещё в том гадюшнике, куда приезжал её трахать по выходным. Уже тогда хотел её себе. Поначалу – как красивую игрушку, а потом... Потом какая-то беда с ним приключилась. И поплыл Банкир.

Теперь желание её вернуть и наказать стало хуже навязчивой идеи. Наказать, заставить жалеть о своём поступке, на ошметки её рвать, а потом по кусочкам собрать и к себе утащить. Разбить её мечты об этом ублюдке, сломать, искалечить.

– Альберт Станиславович, я могу... – голос девки заставил вздрогнуть от неожиданности. Он уже и позабыл о ней.

Медленно повернулся в её сторону, осмотрел, будто только что увидел.

– Могу я уйти? Или мне остаться? Уже прошло два часа и... – она кинула жалобный взгляд на наручники, которым он приковал её к кровати, сглотнула. – Руки затекли.

– Затекли, говоришь? – хмыкнул. – Выпить хочешь?

Она отрывисто кивнула, улыбнулась.

Да, действительно, похожую нашли. Но не она. Голос другой, взгляд. Запах не тот. Тело красивое, но не то.

Сгрёб со стола ключи, отстегнул её. А девчонка тут же потянулась к его паху, прикрытому одним полотенцем. Перехватил её руки, оттолкнул.

– Не надо. Просто выпей со мной.

Не хотелось её. И того раза, что был, хватило, чтобы понять: суррогат не прокатит. Илану не заменить другой.

– Что такого в этой шлюхе?.. – спросил себя, запивая горечь коньяком. Спросил вслух, а девчонка захлопала длинными ресницами, неловко улыбнулась.

– Эээ... Вы мне?

– Неважно. Просто скажи мне, девочка, что вам нужно? Почему вам всегда чего-то не хватает?

Она опустила взгляд на бокал с коньяком, пожала плечами, явно не понимая, чего он от неё хочет. Он и сам не знал, какого ответа ждёт. Банкир уже давно вырос из того возраста, когда женщины кажутся неизученными инопланетными организмами. Он всегда чётко понимал их и знал, чего та или иная от него ждёт. Но в случае с Иланой всё постоянно выходило за рамки.

Как эти чувства. Вот зачем они ему на старости лет? Да ещё и к такой шлюхе. Но где-то внутри тлела уже ослабевшая надежда, что чечен похитил Илану. Что заставил её уехать с ним. И хорошо бы, чтобы так и было. Для неё же лучше.

ГЛАВА 3

В тусклом свете фонарей и плотном тумане появляется мужская сгорбленная фигура. Она быстро переходит дорогу, запрыгивает в чёрный, наглухо тонированный джип.

– Привет, Заур, – здоровается парень, на что Омаев сдержанно кивает в ответ.

– Что там слышно?

– Ну, в общем, дела так себе... Ищут тебя все, как озверевшие.

– Я сам буду решать, как у меня дела. Подробнее давай, – мрачнеет. Дела и впрямь неважно. Если в случае с Банкиром он знал, чего ожидать, то клан... Клан непредсказуем. В одном Заур был уверен на сто процентов: они не отступятся. Будут гнуть, ломать, подминать под себя до тех пор, пока он не вернётся.

– Ну, люди Банкира ищут вас по всему городу. А может, и не только по городу.

– Ясно. А другие?

– А другие тоже ищут. Только у них и задача другая.

– Какая?

– У ищеек клана приказ. Найти вас и на твоих глазах убить женщину.

Заур непроизвольно дёрнулся, стиснул зубы до хруста в челюстях. Вот оно. То, о чём он знал и раньше. Знал, потому что не раз видел, как наказывают непокорных. Тех, кто осмелился перечить, сопротивляться, идти против внутренней системы клана. Но никогда не думал, что однажды они решат наказать его.

Омаев был верен клану, как цепной пёс. Даже когда был вынужден выполнять самую грязную работу. И его уважали, прислушивались, считались с его мнением. Всегда.

Но стоило ему впервые поднять голову и попытаться поплыть против течения, как они тут же пришли к выводу, что пришло и его время.

– А что насчёт меня? Какие они дали указания ищейкам? Грохнуть после неё? – грудину сжало болью, стоило представить, что они выполнят свою угрозу и убьют Илану. Илану, которая не хотела всего этого. Он сам её подставил. Своим желанием иметь эту женщину.

– Нет. Тебя велено потом вернуть домой.

Омаев усмехнулся. Ну да. Конечно. Стали бы они так напрягаться ради пары пуль. Они намерены сломать его до конца. Они намерены победить. И для этого посмевающийся взбунтоваться нужен им в целостности и сохранности. Если только слегка поехавший мозгами. Но это уже случилось.

– Где уже искали?

Парень достал из кармана карту города с обведёнными красным маркером районами.

– Здесь чисто. Может, пойдут и по второму кругу, но не скоро. А сюда лучше не суйся, опасно.

– Из города свалить есть вариант? – задал вопрос чисто для галочки, потому как ответ и сам знал.

– Нет, не вздумай. Всё перекрыто, везде ваши фотографии. Опасность представляют все, вплоть до уборщиц на вокзалах и аэропортах. Даже по левым документам спалят. На тачке тоже не выедешь. Гаишники секут.

– Так и думал. Что ещё?

Парень поднял на него задумчивый взгляд.

– Брат, я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

– Не волнуйся за меня, Малик. И больше не рискуй. Я найду тебя, если понадобится помощь, а пока сиди тихо. Не отдаляйся от Саида, будь рядом с ним и защищай его, как я тебя учил. Теперь это твоя задача.

– А может... Может, к нему обратиться? Он же теперь главный в клане. Он сможет повлиять на их решение по поводу тебя. А?

Заур отрицательно качнул головой.

– Нет. Саида в это не впутывай. Да и не в том он пока положении, чтобы менять законы.

Малик вздохнул, провёл пятернёй по лицу.

– Тогда отдай эту женщину Банкиру и вернись в клан. Они примут тебя, они ждут тебя. Всё наладится, только не перечь им.

Омаев беззвучно засмеялся, уставившись невидящим взглядом на ночную пустую трассу. Он бы рад вернуть всё обратно. Отмотать назад, нажать «делит» и стереть тот день, когда всё пошло наперекосяк. Но там, в башке, что-то переклинило, и уже не переключить этот тумблер. Не сможет он без неё.

– Иди, Малик. Займись делами. Я разберусь.

Малик взглянул на него с сомнением, опустил голову.

– Я всегда с тобой. Ты брат мне. Пусть не по крови, но ты много для меня сделал. Если что, знай: я сделаю всё для тебя. Но ты не прав, Заур. Сейчас не прав. Они же хотят тебя вернуть и всё. Они не хотят тебе вредить.

И это клан! Им не отказывают. Они не прощают такого. Эта женщина не стоит того, прошу, брат, услышь меня.

– Выходи из машины, Малик, а то я подумаю, что ты тянешь время, чтобы за мной успели приехать, – отрезал грубо, и парень согласно закивал, поджав губы.

– Ладно. Я понял. Будь осторожен.

В гостиницу вернулся под утро, перед этим проверив, нет ли за ним хвоста. Малик ещё молод и глуп, если думает, что клану будет достаточно возвращения блудного сына. Нееет... Они не простят ослушания. Они ткнут его носом в дерьмо ещё не раз, но главным наказанием станет Илана. Даже если он покорится старейшинам клана и бросит её. Она уже под прицелом.

Но он бы не вернул её Банкиру, даже если бы клан пообещал вырезать всю его семью, если бы та, конечно, существовала. Не из-за упрямства, нет. Не из-за гордыни. А просто потому, что она уже его. Илана его. Вся, целиком и полностью. И он не отдаст её другому мужику, даже если придётся убить самому.

– Привет, – его голос прозвучал немного простужено, послышался хрип. Под дождём слишком долго пешком бродил. Возможные следы запутывал. В последнее время приходится вспоминать старые навыки бродяги, обретённые ещё в детстве. Тогда за его плечами не было клана, никого не было. А выживать как-то нужно было.

Её исхудавшую за последние дни фигуру обнаружил у окна. Опять плачет? Глупая женщина.

– Почему ты не спишь? – ему хотелось бы услышать, что она волновалась и ждала его. Но на такую роскошь рассчитывать пока не приходилось. Он знатно накосячил.

– Да как-то не спится, знаешь ли, – резко разворачивается на пятках, смотрит Зауру в глаза. Всё ещё бунтует. А ему раньше казалось, нет в ней стержня, нет силы воли и духа.

И тут Заур тоже ошибался. Чтобы иметь дела с такими, как он или Банкир, нужно иметь яйца. Даже если ты баба. Чтобы обеспечить своему ребёнку будущее в ущерб себе, нужно быть сильной.

Нет, он по-прежнему не одобрял то, чем она занималась в клубе. И да, ненавидел её за это. И себя, за то, что залип на такую. Но теперь он её понимал. От неё ничего не зависело. Ни тогда, ни сейчас.

– В таком случае собирайся. Мы уезжаем. Здесь нельзя больше оставаться.

Она закрыла глаза, отчаянно выдохнула.

– Отпусти меня, Заур. И мы сможем исправить ситуацию. Хотя бы попытаемся. Иначе ты нас обоих погубишь.

– Уже. Я уже нас погубил. Теперь нет у тебя другого выхода. Только со мной быть.

ГЛАВА 4

– Какая прелесть, – Илана окинула номер насмешливым взглядом, швырнула на тумбочку сумочку. – Очередной вонючий отель. И как я раньше жила без этой шалашной романтики.

Стиснув челюсти, выругался про себя, но виду, что в бешенстве ей не подал. В конце концов, она права. Он, как мужчина, должен был всё предусмотреть и подготовить. Спланировать всё до мельчайшего шага. Он, собственно, и подготовился.

Только одного не учёл. Противник будет не один. И даже если Банкира совсем не учитывать, то от клана не скрыться. Омаев знал это, как никто другой. Потому что сам находил беглецов и казнил их. Своими руками вершил правосудие от имени клана.

Но пути назад не было. Он бы и не сдал. Потому что не был бы тогда Зауром Омаевым. Потерял бы к себе уважение.

– У меня есть жильё за границей. Но туда нужно добраться. Сейчас мы не можем покинуть страну. Придётся потерпеть, – швырнул сумки с вещами на пол.

Номер, кстати, был люксовым. Илана слегка преувеличила, назвав отель вонючим. Да, не президентские апартаменты, но вполне сносно.

– Что дальше? – села на кровать, закинув ногу на ногу. – Будем трахаться, опять ехать в другой район, снова снимать номер и трахаться? Может, закончим всё здесь?

Вздыхнул, проводя рукой по уставшему лицу, присел рядом.

– Я же сказал, нужно потерпеть.

Она зарылась пальцами в свои волосы, закрыла глаза. Длинные ресницы чуть вздрогнули, а Заур невольно подался вперёд.

Красивая... И теперь его. Так что плевать на всё. И на всех.

– Эти люди... Которые нас ищут. Они кто? Почему они опасны? И почему ищут нас, а не тебя? – задала ему вопрос, распахнула глаза, ожидая ответа. А он, как идиот, на губы её манящие уставился.

– Они – клан. Клан, в котором я состоял. И теперь они не согласны с моим решением уйти, – момент о том, что с выбором женщины они тоже не согласны, решил пока опустить.

– И что будет, если они нас найдут? – голос Иланы дрогнул, а глаза заблестели. – Что они сделают?

– Убьют, – глаза в глаза. В её – осознание и страх, в его – готовность до конца идти. И ни капли сожаления. И она, похоже, уловила этот настрой.

– Если ты одумаешься и вернёшься к ним, это нас спасёт?

– А тебе нужно такое спасение? – невольно сжал кулаки, подумав о Банкире. О том, как этот мудака трогать её будет своими руками. Как трахать её будет по ночам. И зубы до скрипа стиснул. – Всю жизнь с папиком прожить хочешь? Быть его подстилкой? Этого желаешь, Жемчужина?

– Я желаю, чтобы моя дочь росла в мире. Чтобы она была со мной. И чтобы нам не приходилось бояться каких-то кланов. Я хочу жить в своём доме, а не скрываться по каким-то гостиницам. Я не хочу убегать и бояться. Понимаешь, Заур? Да, нам хорошо вместе. Но этого слишком мало. Слишком. Мы из разных миров, и нам никогда не позволят быть вместе. Ты и сам это понимаешь сейчас, ведь так? Так давай прекратим этот бред? Закончим всё, пока не стало хуже, и вернёмся в свои миры, пока нас не заставили.

Он покачал головой, и где-то на дне чёрных зрачков я увидела что-то, отдалённо напоминающее боль. Придвинулся ближе, взял моё лицо в свои ладони.

– Мы будем вместе или вместе погибнем. Я всё равно не смогу жить, зная, что ты просыпаешься по утрам с другим и с другим засыпаешь по вечерам. Больше не предлагай мне такое спасение. Не нужно, Илана, – пальцы на моих щеках стали настойчивее, и я поморщилась от пока ещё слабой боли. А мне она нравится. Мне бы чувствовать её подольше. Не хочу, чтобы отпускал. Сердцем не хочу. А разум давно уже утерян. Меня разрывают на части мысль о дочери и навязчивая,

глупая мечта о любящей семье. С любимым мужчиной и отцом. Совершенно дурацкая мечта о том, что у нас всё могло бы сложиться иначе. У нас троих... И тут же словно дубиной по темени осознание, что это блажь. Глупость. Детские грёзы, не более.

– Ты совсем меня не слышишь, да? Я не ты, Заур. Я не могу себе позволить «загулять». Не могу пуститься во все тяжкие и забыть, что я мать. Я не могу рисковать собой, потому что моей дочери, кроме меня, никто не поможет. А если сейчас Альберт не найдёт меня и окончательно взбесится, если решит отомстить мне через дочь, ударив по самому больному? Что тогда? Никто не защитит её, если меня однажды убьют из-за того, что связалась не с тем мужиком. Я не могу идти на поводу у... этих чувств, – говорю, а сама себе не верю. Нет, не верю. Потому что оно, глупое, в груди то колотится, как сумасшедшее, то замирает. Когда трогает меня, пальцами большими по губам проводит, надавливает, сминает. Когда запах его чувствую и в глаза эти сумасшедшие смотрю. Не верю себе и слышать себя не хочу.

– Твою дочь я спрятал. Она в полной безопасности. Я клянусь, Илана. Поверь. Просто поверь мне, – губами в мои губы тычется, волосы на кулак наматывает и поцелуем рваным и нетерпеливым заставляет замолчать.

– А если... – уворачиваюсь, задыхаясь от его напора. – Если найдут?

– Тогда нам конец.

Врезаемся в стенку душевой кабины, по пути сбрасываем одежду на пол. Пока Заур включает воду, я немного прихожу в себя, но выпутаться из оков желания Омаев мне не даёт. Дёргает на себя, затаскивая под струи воды, и тут же приподнимает, вжимая спиной в стенку. Насаживает меня на твёрдый, ровный член, увитый толстыми венами, которые чувствую даже влагалищем, и плавно, с выдохом мне в губы заполняет собой до отказа.

Ловит мой вздох, медленно двигаясь внутри. Почти покидает моё тело и снова входит до основания, так, что его крупные яйца бьются о влажную промежность. Стискиваю ногами его талию, скрестив ноги на мощной спине, и сжимаю мышцами внутри упругий, мокрый ствол.

Омаев шипит, запрокинув голову и зажав меня в углу кабины всем своим телом, а когда я начинаю сокращаться и биться в судорогах, ловит за подбородок и бешено всматривается в лицо, впитывая мои эмоции.

– Как же мне нравится видеть тебя в этот момент, – шепчет, ныряя пальцем в мой рот, заставляя открыть его шире, и влажным, сильным толчком вбивается в моё тело, чтобы кончить туда...

– Ненавижу... Как же я тебя ненавижу, – шепчу, схватив его за плечи и собирая губами капли воды, стекающие по смуглому лицу и отросшей густой бороде. Целую в последний раз, прощаюсь... И Омаев, будто почувствовав это, хватается меня за горло.

– Даже не думай об этом, Илана.

ГЛАВА 5

Глядя на дремлющего Омаева, я почему-то улыбалась. Тревога и страх никуда не исчезли, нет, но с ним рядом мне было спокойнее. Не знаю, что послужило тому причиной. То ли его уверенность в себе и своих возможностях, то ли надежда, что однажды всё образуется. Именно сейчас, в эту самую минуту, мне было хорошо.

Но внутри, там, где одна моя частичка всегда будет принадлежать другому человеку, больно ныло. И эта боль не проходила, а становилась лишь сильнее, напоминая мне о дочери, о том, что я не имею права на ошибку. Я, как сапёр, могу допустить её лишь однажды. И этот раз станет фатальным.

Я не могла думать о своём счастье без Марианки. Потому что без неё, его, счастья, не существует. В ней вся моя жизнь, вся моя любовь, источник моей силы.

Провела пальцами по сильной, широкой груди, подёрнутой жёсткими волосами, коснулась щеки и кончика носа. Усмехнулась тому, как смешно он морщится в

полусне.

- Я всё ещё слежу за тобой, - ворчит негромко.

- Ну и дурак. Лучше бы поспал, - парирую без особого настроения на спор.

А он глаза открывает, на меня смотрит. Крупная ладонь по моей спине порхает, поглаживает, а губы влажные, мягкие, так и просят их поцеловать. Я порыву поддаюсь, склоняюсь, касаюсь их своими.

- Ты ни разу меня не целовал.

- А ты этого хочешь?

- Не знаю. Просто это странно. Обычно люди целуются. Ты брезгуешь?

- Брезгую? — он, похоже, и правда, удивляется. — Нет. Я никогда не целуюсь. Не ощущал в этом потребности. До тебя.

- То есть ты хочешь?

- Возможно.

- Тогда почему не целуешь?

- А ты почему не целуешь меня?

И плачу, целуя, давлюсь слезами, вою внутри. Я уже тоскую. Уже загибаюсь без него. Что же дальше будет? Как я выдержу это? Как вернусь к Альберту? Как лягу с ним в постель? Я же никогда не смогу забыть это мгновение. Оно мне душу будет рвать всякий раз, когда тела коснутся чужие руки.

Когда же я успела так влипнуть? Так влюбиться в этого психа? А он когда успел? Что жадно так руками хватает, шарит ими по моему телу, словно слепой. Находит ртом горошину соска, прихватывает её губами, посасывает, словно ребёнок, погибающий от жажды, и в глаза мне смотреть продолжает.

Отстраняется, в волосы мои пальцами зарывается.

- Почему плачешь?

- Просто...

- Просто так ничего не бывает.

- Просто больно. Вот здесь, - прикладываю руку к своей груди, ещё влажной от его слюны, слизываю с губ свои слёзы.

- Почему больно? - повторяет настойчиво.

Да потому что я уйду! Сама своими руками всё перечеркну! Сегодня ночью лишу себя тебя! Вот почему мне больно! Больно так, что вдохнуть не могу!

- Потому что неправильно всё это. Ты не должен был в шлюху влюбиться. А я не должна была впускать тебя в свою жизнь, - смаргиваю солёные капли, глотаю комок размером с мяч.

Заур пальцы мои ловит, со своими переплетает.

- Теперь поздно сожалеть. Я полюбил шлюху, а ты бандита соблазнила. Мы уже сделали этот шаг.

Горько улыбаюсь, пока он вытирает мои слёзы, а потом беру его за руку, веду подушечкой указательного пальца по выпуклым, толстым венам на тыльной стороне его широкой ладони.

- А знаешь что? Я вина хочу. Вкусного, сладенького.

Он недоверчиво улыбается, склоняет голову ко мне и целует в висок.

- Хочешь - будет, значит. Сейчас закажу.

- Нет, давай в магазин съездим. Мне кое-что из аптеки нужно.

Он недовольно прищёлкивает языком, хмурит свои густые, чёрные брови.

- Что тебе там надо? Говори, сейчас закажу.

- Нет. Я сама.

- Илан, - хмурится ещё сильнее.

- Тампоны мне нужны. И ещё кое-что для гигиены. И я предпочитаю сама их покупать, - пресекая его последующие попытки возразить. Упирается, будто чувствует.

- Ладно. Но учти, от меня ни на шаг.

Я сдержанно киваю, только вот радости не испытываю совершенно.

У торгового центра он достаёт из бардачка медицинские маски, бросает одну мне.

- Надень.

- Зачем это? Заболеть боишься? - усмехаюсь.

- Илан, - терпеливо, но с нажимом произносит он и надевает свою маску. - Вирус сейчас опасный. Не хочу, чтобы ты заболела. И волосы собери, - жадно проводит по моим локонам рукой, а мне кажется, что она подрагивает. Или не кажется?

- А волосы тут при чём? - вздёргиваю бровь.

- Давай, - кивает на капюшон. Ну и дурак. Будто я не понимаю, что он нас от камер спрятать пытается.

- Я не думаю, что Альберт будет бегать по торговым центрам города и просматривать их записи.

– А речь не о твоём Альберте, – злится. – Давай, собери волосы.

– Ах, да. Клан, – раздражённо собираю волосы в хвост и надеваю капюшон, следом маску. – Всё? Доволен? Может, ещё очки мне выдашь?

Он пропускает мою ремарку мимо ушей, открывает дверь со своей стороны.

– Пойдём.

В аптеку захожу одна. Благо Заур не рвётся со мной в очередь за тампонами, и я успеваю купить всё, что мне нужно. Некоторое время колеблясь у кассы, не знаю, куда спрятать баночку со снотворным, а после заталкиваю её в пакет с гигиеническими принадлежностями и иду к выходу.

Позже возвращаемся в гостиницу, и я иду в душ, прихватив с собой покупки. Сажусь на бортике джакузи и долго смотрю на баночку в своей руке. Пальцы дрожат, сердце жутко ноет. Мне не хочется этого делать. Совсем не хочется. Но прежде всего дочь. Я не могу, не имею права любить ценой материнства. Я всегда буду выбирать её, мою малышку. И ни один мужчина в мире, даже Заур, не сможет этого изменить.

А поплакать всё же хотелось. Потому что сердце, оно же глупое. Ему же не запретишь любить. И никакие доводы разума не помогут. Нет.

Спустя полчаса вышла из ванной и застыла в проходе, невольно залюбовавшись Омаевым. Его хищным профилем, смуглой кожей и жилистыми руками, которыми он разливал по бокалам вино. На столике уже исходил паром ужин, видимо, только-только принесённый официантом.

– Я здесь, – улыбнулась ему, делая шаг. А Омаев ко мне поворачивается, бокал с игристым протягивает. И мне хочется время остановить. Хотя бы ненадолго. Чтобы успеть насладиться этим моментом. Чтобы прочувствовать его вкус. Чтобы прикосновение его пальцев на тыльной стороне своей ладони запечатлеть.

Руки нещадно дрожат, а я силюсь скрыть волнение и то, как дерьмово мне сейчас от осознания, что всё скоро прекратится. Я не хочу уходить. Как же я не

хочу, Заур. Знал бы ты, чувствовал бы сейчас то, что чувствую я.

Это враньё, когда говорят, что если любишь, хочется счастья любимому человеку. Нет. Не хочется. Мне не хочется, чтобы он был счастлив без меня. Возможно, это эгоистично или даже подло. Но я желаю, чтобы ему было так же плохо, как мне. Потому что именно он втянул меня во всё это.

- Не нравится? - выводит меня из ступора своим хриплым шёпотом. Берёт за подбородок, заставляет посмотреть в глаза.

- Что?

- Вино. Не нравится?

- Аа... Нравится. Да... Ты не мог бы ещё и конфет заказать?

Омаев с подозрением рассматривает моё лицо, но спустя пару секунд отдаёт мне свой бокал и отходит к телефону. Пока он звонит на ресепшен, я быстро ставлю бокалы на столик и высыпаю в его вино порошок из капсул, припасённых ещё в ванной. В инструкции написано: не больше трёх за раз. Плюс алкоголь. Двух должно хватить.

Что чувствую в этот момент - сложно передать словами. Эту боль не измерить чувствами вообще. Она где-то в душе свила себе чёрное гнездо, и я понимаю, что то, чем сейчас занимаюсь - это идиотизм. Я же не смогу его забыть. Не смогу отдаваться другому мужчине, помня объятия Омаева. Не смогу дышать рядом с другим.

- Сейчас принесут, - он идёт ко мне, а я, неловко схватив его бокал и едва не расплескав, стараясь незаметно перемешать вино со снотворным, подаю его Зауру.

Чокаемся, звон стекла отдаётся пульсацией в висках, а когда Омаев делает первый глоток, я закрываю глаза и залпом опустошаю свой бокал. Будь он неладен. Будь оно всё неладно!

Чуть позже лежу на омаевской груди и слушаю размеренный, уверенный стук его сердца. И понимаю, что он уже уснул, но встать, одеться и уйти нет сил. Оттягиваю этот момент насколько можно, тихонько реву, и слёзы стекают по щеке прямо на его кожу. В последний раз вдыхаю сумасшедший запах его тела, а после, собравшись с силами, сажусь на кровати.

Пора.

ГЛАВА 6

Ключ-карту от номера нахожу в заднем кармане его джинсов. Осторожно вытаскиваю её, бросаю ещё один взгляд на Заура и, подавив в себе желание хотя бы разочек коснуться губами его небритой щеки, спешу к выходу.

Боль прожигает рёбра подобно огненной лаве, затопившей всё внутри. И когда оказываюсь на улице, всё же не удерживаюсь и всхлипываю. Ещё раз и ещё. И уже кричу в голос, обнимая себя руками.

С неба льёт. Я оказываюсь промокнутой до нитки за какие-то считанные секунды. Ранняя весна не радует никого вокруг, а мне так даже лучше. Прохожие не видят моих слёз, их смывает крупными каплями дождя.

Единственное, что заставляет двигаться вперёд, а не повернуть назад и броситься в тёплый номер, к нему, – мысль о Марианне. Я ведь даже не знаю, где моя дочь. Не знаю, но уверена, она в безопасности. Заур не причинит ей вреда. А вот Банкир... Банкир может.

Сначала я вернусь к нему, а потом Заур вернёт мне дочь. И всё забудется. Наверное... Однажды.

Успокаиваю себя тем, что все чувства – просто блажь. Глупость. У меня ведь и юности толком не было. Я рано стала мамой и всё своё свободное время уделяла дочери. А сейчас просто какой-то гормональный сбой случился. Дурь нашла. Вот и всё. Пройдёт. Главное, не давать волю этим чувствам. Не позволять им лишиться

меня разума окончательно.

Захожу за угол, приваливаюсь к стене. Холода не ощущаю, хотя уверена, что простыну. И ладно. Пусть это станет моим наказанием. Если, конечно, Альберт не придумал чего похуже.

А я буду лгать. Совру ему, что не смогла без него, что ошиблась, когда с Зауром сбежала. Что сама во всём виновата, но теперь осознала свою ошибку. И, возможно, он простит. Или нет. Но о том, что будет в случае, если не поверит или не простит, думать не хотелось.

Как жаль. Как же жаль. Ведь всё же могло бы быть иначе. У меня, у нас с дочерью. У нас с Омаевым...

И будто ответом мне жёсткий захват чьей-то сильной руки. Рывок назад, и я оказываюсь прижатой к его телу. Такому же мокрому, как и моё. А он задыхается. К виску моему губами прижимается и больно придавливает за шею.

– Куда ты собралась?! – рычит яростно, встряхивая. – Куда, женщина?! Я тебя спрашиваю?! Куда ты без меня, Илана? Разве я тебя отпускал? Или ты оглохла и не слышала, что я не отпущу тебя?! – немного ослабляет хватку, когда чувствует, что я начинаю задыхаться. Но не отпускает, всё так же сильно вжимая в себя.

Капли дождя стекают по его лицу, бороде, падают мне на руки. А сердце так сильно колотится, что, кажется, вот-вот мне позвоночник сломает.

– Отпусти. Прошу тебя, отпусти, – прошу, ненавидя себя за то, что рада. Да, я рада, что он догнал и остановил меня. Почти счастлива...

– Нет, я сказал! Хватит! Всё! – рывком разворачивает, в глаза заставляет посмотреть, но мне из-за слёз ничего не разглядеть. Только фигуру его высокую, ссутулившуюся. – Ты пойми, я не могу! Не могу тебя отпустить! Я же с ума сошёл, Илана! Ты не видишь?! Посмотри на меня! Я болен тобой! – орёт так, что уши закладывает и даже шум ливня не заглушает. А мне так хочется в этот момент оглохнуть. Чтобы не слышать этого отчаяния, из него бьющего. Чтобы не слышать голос собственного сердца. Чтобы просто не знать, чего хочу себя лишиться.

– Эгоист долбаный! Слышишь?! Ты эгоист, Омаев! – ору, бью его в грудь. А он не шелохнётся, как стена стоит. Дурак! Какой же дурак! – Из-за тебя я лишусь дочери, а потом и тебя! Он нас найдёт! Или клан твой этот идиотский! Рано или поздно кто-нибудь да отыщет! И нас убьют! Всех! – бью его снова и снова, но Омаев не чувствует ничего. В камень превратился, лишь взглядом меня пронзает бешеным. А когда у меня иссякают силы, просто опускаю руки и упираюсь лбом в его грудь. – Отпусти. Прошу тебя в последний раз. Потом же поздно будет, – прошу сквозь слёзы, плечи содрогаются от рыданий. А он вздыхает тяжело и за руку меня берёт. Чтобы в следующий момент сжать её чудовищно крепко.

– Не могу. Не из-за эгоизма. Вернее, не только из-за него. У ищеек клана приказ убить тебя. В любом случае, Илана. В любом. Даже если ты уйдёшь. Они открыли на тебя охоту. Чтобы меня наказать, понимаешь? Чтобы выпотрошить меня. Чтобы от тоски с ума сошёл.

Поднимаю на него взгляд и долго смотрю в глаза. Нет, не врёт. Не запугивает.

Возвращаемся в гостиницу и снова начинаем собирать вещи. За последние дни мы убегали столько раз, что я со счёта сбилась.

– Я воссоединю тебя с дочерью. Дай мне немного времени, – чувствую на себе взгляд Заура, всё тот же, алчный и немного угрюмый. И ни капли вины в нём. Дурак упрямый.

А я не могу посмотреть в его сторону. Не могу. Ненавижу его за то, что делает с нами, и ненавижу себя за то, что позволяю.

– А если и на неё охоту откроют? – спрашиваю негромко, хотя внутри всё ещё клокочет злость. – Чтобы нас выманить? – эта мысль не даёт мне покоя уже несколько дней. А ещё страх, который, должно быть, испытывает моя кроха. Она же без меня и дня не может выдержать, как и я без неё. Однажды я ей пообещала, что больше не оставляю, и вот... Предала, обманула. Не сдержала данное единственному родному человечку слово. Какая я после этого мать? Сука я течная, а не мать.

А если меня, и правда, убьют? Что она обо мне запомнит? Что я та тварь, которая своего ребёнка на член променяла? Ну почему, почему я не подсыпала ему три

капсулы? Да вообще убить гада надо было!

Но я бы не смогла. Конечно же, нет. Вечная трусиха и мямля.

– Тогда я привезу её прямо сейчас. Переедем на квартиру, я снял её по фальшивым документам, и привезу.

– Нет! – вскидываю на него бешеный взгляд. – Не вздумай! Пусть будет как можно дальше от нас!

И хоть сердце разрывает от тоски по Марианке, я ни за что не потащу её за собой. Что бы с нами ни случилось, пусть её не заденет.

– Илан, я оставил им хорошую сумму денег. Если нас... Если мы не выберемся, твоей дочери хватит этого на всю жизнь. Я передал им большую часть своих сбережений. Это довольно много.

Его благородство не радует, напротив, раздражает.

– Где же ты раньше был, такой замечательный? – язвлю, швыряя свой кардиган в сумку. – Где же ты был, принц, блядь, паршивый, когда я... – он затыкает мне рот ладонью, грубо и резко. Качает головой.

– Не ругайся. Я не хочу слышать такие слова от тебя.

Уворачиваюсь, толкаю его.

– О, да ты у нас моралист! Так, может, тогда найдёшь себе нормальную бабу, а не шалаву с довеском?

Заур замахивается на меня, но, поймав мой растерянный взгляд, руку всё же опускает.

– Не смей произносить это. Больше никогда. Всё, что было в прошлом, там и останется. Пойдём, пора валить отсюда.

ГЛАВА 7

Я всё-таки простыла. И слегла с гриппом на несколько дней. Лишь урывками видела склонившегося надо мной Омаева. Его обеспокоенное лицо и как что-то спрашивает, прикладывая ко лбу свою прохладную ладонь. Странно, но мне всегда казалось, что он очень горячий. Наверное, это у меня жар.

Я не слышала, о чём он говорит, из-за болезненной пульсации в висках и шума в ушах, но отчётливо улавливала интонацию и преглупо улыбалась. Он переживал, боялся за меня. Пичкал какими-то лекарствами с упорством чокнутого доктора, вытирал мне лоб влажным полотенцем и целовал. Как же он целовал. Даже в бреду и лихорадке я чувствовала его помешательство. И хотела его до одурения. Но когда он раздевался и ложился рядом, я начинала звать дочь. И так изо дня в день, из ночи в ночь. А он терпел и продолжал ухаживать за мной.

Спустя неделю я более-менее пришла в себя. Температура спала, и дышать стало легче. На тумбочке увидела целую гору лекарств, витаминов и какого-то питья, а рядом, лицом в подушку, спал Заур, прямо в одежде и поверх одеяла, в которое укутал меня до самых ушей. И это выглядело так до одурения мило, что я не сдержала улыбку.

– Эй, злой и страшный похититель? Просыпайся, – коснулась его щеки, а Омаев вздрогнул и тут же из-под подушки выхватил пистолет. Бросив взгляд на меня, убрал его обратно и сел на постели.

– Ты как?

– Да я-то нормально, а вот ты хреново выглядишь, – резюмировала с усмешкой. Он, и правда, исхудал за последние дни, заметно осунулся, и кожа стала бледной. Да и нервный до ужаса.

– За выражениями следи, что за привычка, – поморщился он. А мне даже это его чистоплюйство дурацкое полюбилось. Надо же было так вляпаться.

– А ты заставь меня замолчать, – улыбнулась, наблюдая, как он поднимается, сонно потирает лицо.

– Вижу, отошла, – бросил на меня оценивающий взгляд и ладонь ко лбу приложил.

– Отошла. И очень голодна. Прямо слона бы захре... – поймала его строгий взгляд, хохотнула. – Съела бы.

– Сейчас закажу тебе слона. Только давай сначала соберёмся. Пора нам.

Опять пора. Когда же это закончится, блин? Улыбка тут же испарилась, и настроение мгновенно улетучилось. Мне уже начинало казаться, что я всю жизнь так проведу в бегах.

– Сколько ещё? – спрашиваю без особой надежды.

– Пару недель потерпи, – смотрит на меня упрямо, даже не думает ведь, идиот, назад сдавать. Ну хоть бы попытался спасти наши шкуры. Нет, он будет стоять на своём до последнего. Неотступно, напористо будет лезть на рожон и меня за собой потащит. Вот же безбашенный.

Проходит неделя, за ней ещё одна. Я почти привыкла к кочевническому образу жизни, поэтому, когда вижу, куда мы приехали, не сразу нахожусь, что сказать.

– Ну, как? – Заур ждёт моей реакции, а я медленно оглядываю элитные новостройки в самом престижном районе города, цветущие клумбы и охранников, разгуливающих с рациями у парковки.

– А как должно быть? – интересуюсь настороженно.

– Район нравится или нет? – вижу, как сдерживает улыбку, пытаюсь сохранить свою извечно серьёзную физиономию, и начинаю понимать, что он не шутит.

– Ты серьёзно? А как же конспирация? Как-то это слишком нагло – поселиться в самом центре, да в такой роскоши.

– Но ты ведь этого хотела? Нормальной жизни? Я квартиру нам снял. Вон там, – указывает на самый верх рельефного красивого небоскрёба, а я задираю голову, чтобы проследить за его взглядом. – Отсюда не видно, но на лифте доберемся быстро, – смеётся, уже не сдерживаясь. – Хотя, думаю, ты и без лифта туда долетишь, если узнаешь, кто тебя там ждёт.

Я на Омаева взгляд перевожу, головой качаю.

– Ты шутишь?

– Я не могу больше видеть, как ты без неё мучаешься. И я обещал. Сейчас вроде всё поутихло, так что...

Я бросаюсь ему на шею, крепко обнимаю и визжу, как сумасшедшая. На нас оглядываются проходящие мимо степенные дамочки с собачками, но нам плевать. Омаев, отпрянув назад и заглянув мне в глаза, улыбается и на губы мои набрасывается. Целуемся, словно сумасшедшие, и весь мир перестаёт существовать.

Я отрываюсь от него первой, и Заур мучительно стонет. Чувствую его твёрдую эрекцию и по тому, как рвано он дышит, понимаю, что дураку опять крышу снесло.

– Хочу тебя, – шепчет мне на ухо, проводит языком за ушком. – Давай пойдём, пока не изнасиловал.

Пару минут, пока входим в высотку и поднимаемся на лифте, меня грызут сомнения. Вдруг пошутил? Обманул? Но на Заура смотрю и понимаю, что не мог он так жестоко. Только не со мной.

Когда перед нами открывается дверь квартиры и на пороге возникают смеющиеся тётя Нина и Мариашка, из-под ног едва земля не уходит, и я бросаюсь к ним.

Дочь что-то радостно щебечет, ручками своими меня за шею обнимает. А я не слышу ничего, только от счастья сердце колотится, вот-вот рёбра раскрошит. Плачу и быстро смахиваю слёзы с глаз.

– Малыш мой, как же я по тебе скучала, – прижимаю её к себе, целую сладко-сладко. А она урчит, как котёнок, прижимается всем тельцем. – Ну-ка, дай посмотрю на тебя, – отстраняюсь, окидываю кроху материнским требовательным взглядом. Хотя... Какая из меня мать? Мало того что шалава, так ещё и дочку на хер променяла. И пусть сделала это не по своей воле, но вины моей это не отменяет.

Малышка подросла. Совсем немножко, но я замечаю. И поправилась, щёчки вон пухлее стали, порозовели. Это радует.

– Да всё хорошо у нас, девочка ты моя. Иди, обниму, – тянет меня за руку тётя Нина, и я принимаю её в свои объятия. Золотая женщина. Кто бы ещё стал так о чужом ребёнке заботиться. Не бросила, не отказалась.

– Спасибо, – шепчу, прижимая хрупкую женщину к себе и задыхаясь от слёз. – Спасибо вам, тётя Нин. Я перед вами навеки в долгу.

– Ой, ну что говоришь такое? Глупости! Вы ж мои родные, я куда без вас, моих красавиц? Да и Заур нас очень поддерживал. Вон сколько игрушек этой маленькой хитрюге купил. Как только приедет, так и привезёт что-то. У нас чемодан кукол уже, хоть ты продавай их, – шутливо ругается тётя Нина, а у меня сердце млеет. Но когда доходит смысл слов тёти Нины, хмурюсь.

– Так ты что, часто их навещал? – поворачиваюсь к Зауру, а тот в своей привычной манере осматривается вокруг беглым взглядом и подталкивает нас в квартиру.

– Заходите, нечего тут стоять. Да, я навещал их. В чём проблема? – как обычно хочет соскочить с неудобного ему разговора. – Не смотри так. Я не мог брать тебя с собой. Заметать следы удобнее одному.

– Удобнее, значит?! Тебе удобнее? А обо мне ты подумал? О нас?! – вспыхиваю мгновенно, а он закрывает за нами дверь на все замки и поворачивается ко мне.

– Не начинай. Я всё сделал, как ты хотела.

Я поджимаю губы и проглатываю ругань. Позже. Всё позже. Главное, что Мариаша теперь со мной.

– Не лугайся на Заула, мамочка. Он холоший, плавда-плавда, – заверяет меня дочь, обнимая его за ноги.

Ну вот. Ещё одна пропала.

ГЛАВА 8

– Мамочка, а мы плоснулись! Что на завтлак? – слышу радостный вопль дочери прямо из коридора, и тут же она въезжает на кухню верхом на Зауре. Омаев в своей мрачной манере медведя-гризли топает к столу, опускает кроху на стул и садится рядом. А я замечаю, как дёргаются уголки его губ. Нравится ему с Марианкой дурачиться. Хоть и хмурится постоянно. Но то, скорее, от мыслей неутихающих. Ведь теперь он за нас в ответе. А это, я уверена, не так легко, как может показаться со стороны.

– Да, кстати, что там на завтрак? – и на меня взгляд поднимает. Скользит им по моему халату от декольте до бёдер и на лицо снова смотрит. – Красивая.

– Да, мамочка очень класивая. Потому что она кололева, – по-деловому кивает дочь и усаживает на соседний стул свою новую куклу, подаренную Омаевым. Продавщицы в детском магазине едва с ног не свалились, подыскивая ему «то, что нужно». А потом втихаря умилялись, какой замечательный папочка. Я же стояла в сторонке и не могла налюбоваться этим дурачиной. И тогда впервые у меня проскочила наиглупейшая мысль, что я бы родила ему сына. Ну или ещё одну доченьку. И чтобы вот так же их баловал. Чтобы по вечерам играл с ними, а по утрам будил завтракать.

Мечты-мечты... Какую же боль они причиняют, когда понимаешь, что им никогда не сбыться.

– Эй, королева? – усмехается Омаев, заметив мой ступор. – Кормить нас будешь?

– Завтлак! Завтлак! – начинает верещать Мариашка, и я, оглохнув, отмахиваюсь от них.

– Не шумите, сейчас всё будет.

Тётя Нина помогает мне накрыть на стол, и мы завтракаем, как одна семья. Будто всегда так было. Будто, и правда, всё у нас вот так. Весело, шумно, со смехом и шутками.

И Марианну я такой счастливой не видела никогда. Может, ей, и правда, недоставало мужского присутствия. Папы...

Идиллию нарушает Омаев, когда, отодвинув свою тарелку, вставляет в мобильный новую сим-карту. Бросает на меня виноватый взгляд и выходит из кухни, кого-то набрав.

Мне пояснения не нужны. Понимаю, что снова со своим информатором связывается. И снова поедет с ним встречаться. Улыбка тут же испаряется, а тётя Нина с беспокойством поглядывает в мою сторону.

– Всё хорошо?

Я смотрю в глаза женщине, ставшей нам уже родной, отрицательно качаю головой. Какое тут хорошо? Мы все в опасности. И хоть Омаев пытается делать вид, что нас уже никто не ищет, всё равно меня накрывает паникой, стоит ему куда-то уйти. А тут ещё дочь, тётя Нина. Как мне не переживать за них?

Она меня понимает без слов, вздыхает.

– Когда-нибудь всё плохое закончится. Нужно только потерпеть.

Слабо улыбаюсь, завидуя её терпению.

После завтрака тётя Нина с Мариашей идут в комнату смотреть мультики, а Заур уходит. Я молча провожаю его до двери, жду, пока тот оденется.

– Может, не пойдёшь? Не нравится мне всё это.

– Илан, я разберусь, – бросает немного раздражённо, но тут же притягивает меня к себе. – Целовать будешь?

– Буду, – улыбаюсь и касаюсь губами его губ. Провожу по небритой щеке пальцами, снова целую. А он глаза закрыл, балдеет, как кот мартовский. Ну и дурачина... – И всё же я переживаю. Каждый раз, когда ты исчезаешь, мне кажется, что однажды не вернёшься. Мне страшно, Заур.

Он глаза открывает, в мои долго-долго смотрит.

– Я всегда буду возвращаться. Обещаю.

И я ему верю. Знаю, дура. Но так хочется, чтобы сказка не заканчивалась. Безумно.

Заур чувствовал, что что-то не так. Именно в этот раз. Но инфа нужна, без неё никак. Да и верил он парню, как самому себе. Кого попало к клану не подпускал, а если и брал кого на работу, то мог сам за него голову положить.

Малик появился, как обычно, быстро и будто ниоткуда. Запрыгнул в машину, поздоровался. А Заур на рожу его побитую взглянул и всё понял.

– Узнали? – спросил коротко.

– Ага, – так же коротко кивнул Малик.

– И? Хвост за тобой пришёл?

– Нет. Меня послали.

– И что ты должен мне передать? – вздохнул, понимая, что ни хрена хорошего.

– Они сказали, чтобы ты её бросил. Девушку эту свою.

Криво усмехнулся, покачал головой. Нет, они не угомонятся.

– Я же сказал, что этого не будет.

– Заур, они тебе шанс дают. Сказали, что не тронут её. Отпустят живой. Только ты должен жениться на девушке, которую тебе старейшины выбрали. Или так, или... Они не выпустят вас из города. И рано или поздно найдут. Ты профи, конечно, ты крут, да. Но против них не сможешь выстоять. Это я тебе уже говорю. Брат, брось это дело! – парень заглянул ему в лицо, а Заура передёрнуло всего. Дурак. Даже не понимает, что они уже всех приговорили. Включая самого Малика. Его сразу же после встречи и уберут. Клан не прощает предателей.

– На, возьми, – достал из бардачка конверт с деньгами, швырнул ему, а Малик шарахнулся от него, как от огня.

– Что это? Деньги? Мне не надо! Я же не за бабло, брат! Да я...

– Успокойся. Это тебе на дорогу.

– В смысле? – Малик нервно оглянулся по сторонам, опять на Заура уставился.

– А ты что, думаешь, они после того, как ты мне бегал и всё докладывал, в живых тебя оставят? Всё ещё веришь в то, что клан справедлив? Что старейшины мудры и степенны, как шаолиньские монахи? – тупость пацана начала раздражать. – Они тебя грохнут сразу же, как только вернёшься! Всё, давай, иди! Бабки возьми и уезжай куда-нибудь подальше.

– Они не навредят нам, Заур. Ты зря так о них... Они же семья твоя.

Но Омаев замолчал, а Малик, вздохнув, открыл дверь.

– Я буду ждать твоего возвращения, – дверь захлопнулась, а Заур, прищурившись, застыл. Что-то происходило. Прямо в этот момент. И в ту же

секунду Малик, обходящий внедорожник спереди, дёрнулся, будто от толчка, и свалился на капот. Омаев глухо выругался, глядя на безжизненное лицо паренька и на то, как из дырки во лбу на капот полилась кровь. А после его тело со скрипящим, словно пенопласт по стеклу, до жути пробирающим звуком сползло на землю.

ГЛАВА 9

Первой же мыслью было рвануть к Илане. Вдруг они уже и там? Вдруг в этот момент палачи и её... Но тут же эту мысль отмёл. Были бы там, не стали бы устраивать это представление. Да и ни к чему вести их за собой. Возможно, они на это и рассчитывают.

А когда на свет фар из темноты шагнула знакомая высокая фигура, тяжело выдохнул. Только этого мудака не хватало. Выругавшись, толкнул дверь и вышел из машины, боковым зрением захватывая пространство на предмет остальных. Не один же он сюда пришёл, да ещё и кто – надежда клана. После Хаджиева, разумеется. Но значимость Мусаева это не умаляло.

И будто в подтверждение этой мысли его окружила вооружённая до зубов охрана Мусаева.

– Здравствуй, Заур! Как дела? Говорят, ты гордым стал, не общаешься с братьями, с которыми одну кашу ел. Разве так можно?

– Джамал, – сжав челюсти, опустил взгляд на парня под бампером внедорожника, и по нутру резанула жалость. А ведь малой им верил. В клан верил. До последнего. Всё пытался уговорить Заура вернуться. Дурак. Молодой, преданный, зелёный. Да кому она нужна, верность эта? Кем она сейчас ценится? Всем насрать на неё. Только раз стоит оступиться – и у тебя во лбу дыра зияет.

И уколом вины в сердце откликнулось воспоминание, когда Омаев, чисто случайно встретив на рынке нищего паренька, подрабатывающего грузчиком на лекарство матери, взял того на работу. Чтобы охранял убудочных,

зажравшихся членов клана. Наверное, себя вспомнил, когда питался чем придётся и шнырял по улице, выискивая себе подработку. Пожалел. А лучше бы так оставил. Тогда Малик не лежал бы здесь. Продолжал бы впахивать за копейки на паршивом рынке, зато живой был бы.

– Зачем? Парень-то хороший был.

– Ну так и женился бы на нём. Тебе же, насколько я знаю, непринципиально. Раз с шалавой свалил, а?

– А ты что у нас, моралистом вдруг стал, Джамал? Или, может, твой отец, годами обворовывавший собственную семью, был им? Напомни мне, за что тебя отправили за границу пятнадцать лет назад? Не за то ли, что девку изнасиловал, а потом убил?

Тот криво усмехнулся, сиюсь сдержать эмоции, но Заур знал, что задел за живое. Не мог не задеть. Особенно, если уж заговорил об убиенном отце, чьи грешки до сих пор обсуждаются в клане, как нечто из ряда вон выходящее.

– Ты бы о себе лучше позаботился. И шлюхе своей. Знаешь, да, у меня приказ от старейшин – убить её? У тебя на глазах. А потом тебя, как сраного щенка, притащить за ухо домой. Не могу сказать, что мне доставит это удовольствие. Лучше бы я занимался более важными делами за бугром, чем бегать здесь за разными ушлёпками. Но отца больше нет, а я вынужден занять его место в клане. Каждый из нас делает то, что должен.

Завоняло подвохом. Не всё так просто. Иначе, Мусаев не трепался бы сейчас. Либо время тянет, пока его гончие до Иланы добираются, либо предложить что-то хочет. Что-то, что Зауру уже не нравилось.

– И зачем ты мне всё это говоришь? Зачем вообще пришёл сюда? Не проще было послать за мной своих псов? – окинул взглядом десяток охранников. Все с пушками и явно не на прогулку вышли. Знают своё дело. Не справится с ними Омаев. Не успеет. Кто-нибудь да продырявит. А ему сейчас нельзя шкурой своей рисковать. Илану с мелкой тогда вообще никто не защитит.

– А за тем, что мы можем помочь друг другу. Я выручу тебя, а ты – меня. Что скажешь, Заур? Ты меня хорошо знаешь, я слов не ветер не бросаю.

Так он и думал. Вляпался опять... И опять из-за неё. Усмехнулся про себя, выдохнул.

– Слушаю тебя, – ответил, снова бросая взгляд на парнишку. Жаль всё-таки. Жуть, как жаль. Кто угодно из клана заслуживает гибели. Только не Малик.

– Я не буду сейчас ходить вокруг да около. Скажу сразу: мне нужен Саид. Я хочу, чтобы он в агонии корчился. Чтобы потерял всё, ради чего столько боролся. За моего отца, за то, что моя мать сейчас траур носит. За тот позор, который он навлек на мою семью. А ещё я хочу встать у руля. Хочу занять место Хаджиева. Хочу управлять кланом. И ты можешь мне в этом помочь. А за это я оставлю твою бабу в живых. Мне она не сдалась, если честно. Старейшинам мы с тобой скажем, что я всё выполнил. Ты вернёшься с загула весь такой печальный и несчастный, женишься и сделаешь вид, что всё вернулось на свои места. А потом хоть займай свою шлюшку до потери пульса. Мне плевать. Место заместителя при мне будет за тобой. Насколько я помню, Саид тебя погнал из своих помощников? Так вот, я предоставлю тебе выбор. Ты сможешь сам определить свою судьбу и место. Захочешь – будешь со мной к вершине идти. А нет – уезжай из страны. Ну что? Поможешь мне завалить мамонта?

По коже прошёл озноб от уверенности в волчьем взгляде Джамала. Серьёзно настроен. Очень.

Всё, как Заур и предполагал. Ничего не даётся просто так. За всё нужно платить. И иногда плата непомерно высока. Настолько, что просто не потянуть. Или же можно лишиться совести и чести и пойти на сделку ради своей выгоды. Но как с этим жить? Как он потом будет по утрам в зеркало смотреть? Как засыпать будет по ночам?

Омаев вернулся домой под утро. Мрачный, злой, молчаливый. В общем, не особо отличался от своего обычного состояния, только в этот раз я почувствовала исходящее от него раздражение. И, кажется, направлено оно было на меня.

– Как всё прошло? – спросила, забирая у него верхнюю одежду.

Омаев же, зыркнув на меня недовольно, прошёл на кухню. Сел за стол, откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Я прикрыла дверь, чтобы не разбудить тётю Нину с Мариашей, и к нему шагнула. Присела рядом, ладонью его руку накрыла, а он дёрнулся, будто от огня. Руку свою убрал, челюсти сжал, аж ямочки на скулах проступили.

Вспомнила, как он от меня раньше шарахался, когда в клубе работала, и как-то больно стало в груди. Неужели до сих пор противно? Зачем тогда вот это всё? Зачем похищал меня, от себя не отпускал? Ещё и дочь мою в это втянул.

Резко отпрянула, чтобы не сорваться и не начать скандал. Не до этого сейчас. Достала из холодильника бутылку вина, стянула с полки два бокала.

– Выпьешь? – предложила ему, возвращаясь к столу и ловя на себе пристальный взгляд тёмных, прищуренных глаз. – По-моему, тебе немного расслабиться нужно.

Он цыкнул.

– Я отвечаю за вас. За тебя и за неё, – кивнул в сторону детской. – Думаешь, я могу себе позволить расслабиться?

– Думаю, что тебе стоит поговорить со мной. Что произошло, Заур? Что тебе сказал твой информатор?

Омаев шумно втянул воздух ноздрями, и по его лицу прошла тень. Что-то действительно случилось.

– Он уже никому ничего не скажет, – тяжело вздохнул, большой ладонью по своему лицу провёл. – Никогда.

По спине холодок пробежал. Мерзкий такой, жуткий. И дурно стало, будто ежа проглотила. Знаю это чувство препоганое. Тревожное и жуткое, оно мрачным предчувствием под кожу пробирается и жрёт изнутри, пока с ума не сойдёшь.

Это что же... Информатора убили? Или я неправильно его поняла?

- Заур... - начинаю фразу, закончить которую не успеваю. Омаев качает головой и протягивает мне руку.

- Иди сюда.

Ставлю бокал, приближаюсь к нему, а Омаев, будто с цепи сорвавшись, хватается меня за руку и к себе тащит. Под халат рукой ныряет, трусы сдирает до колен одним рывком. Дальше они сами на пол падают, а Заур поднимается со стула, на стол меня укладывает и халат задирает. Резко за бёдра к своему паху притягивает, так, что я голой задницей проезжаю по глянцевой поверхности. И на какое-то мгновение совесть поднимает во мне голову. За этим столом дочь моя завтракает...

- Подожди, - упираюсь ладонями в его плечи, но Омаева уже понесло, повело и крышу сорвало. Опрокидывает меня, сжав горло, придавливая к столешнице и быстро, будто боясь упустить возможность, расстёгивает свои джинсы. Приспускает их вместе с боксерами и тут же, без всяких прелюдий, в меня головкой толкается. А мне и не нужно ничего. Я всегда для него мокрая. Всегда готовая.

Принимаю его полностью, и меня удерживать уже не нужно. Ногами его обнимаю, к себе сильнее притягиваю. А Омаев долбится в меня, как умалишённый, едва стол под нами не разваливается. Вдохнуть не могу от его напора, даже вскрикнуть не получается, ибо он здорово придушивает. Голова кругом то ли от нехватки воздуха, то ли от желания. Движения его члена во мне ускоряются, становятся глубже. Дух из меня выбивает, все мысли вытрахивает.

Халат трещит по швам, а он его разрывает дико. На грудь алчно ртом обрушивается и целует так одержимо, что остановить его сейчас точно не смогу. Прикусив губу, стону от боли между ног, где он как отбойным молотком долбит, и судороги по мышцам ног от его стоны мне в живот, куда спустился губами.

Застывает, кончая, и я, наконец, отпускаю себя. Выгибаюсь навстречу, едва не кроша себе кости, а он со стоном толкается ещё раз и в шею мне утыкается, выдыхая.

Не успеваю отдышаться и перестать вздрагивать от сладких судорог, как Омаев резко выравнивается и с влажным звуком выходит из меня. Кое-как сползаю со стола, опираюсь на него руками, потому что ноги дрожат и подгибаются. Заур отворачивается, приводит в порядок одежду.

Хмыкнув, хочу спросить, давно ли он стал таким стеснительным, но следующая его фраза заставляет меня заткнуться.

– Я женюсь скоро, Илан.

Застываю на месте, ещё плохо соображая после оргазма, но сердце уже пускается галопом, словно предчувствуя что-то...

– В смысле? Это типа предложение такое? – улыбаюсь глупо и чувствую себя абсолютнейшей идиоткой, потому что понимаю, что соглашусь. Даже если он так и останется стоять ко мне спиной, застёгивая ремень. Да я на всё с ним соглашусь.

Никогда не понимала дурацкую поговорку про милого и шалаш. А сейчас понимаю, как никто. Дура, блин, обречённая.

– Я накосячил, – Заур ко мне поворачивается, склоняется к столу и, уперевшись в него по обе стороны от меня, в глаза заглядывает. Взгляд хмурый, виноватый. – Но я всё исправлю. Обещаю. Мне нужно уехать, Илан. Я не знаю насколько. Ты только дождись меня, ладно?

– Подожди... – отстраняю его, потому что этот разговор мне перестаёт нравиться. – Что значит, ты женишься и уедешь? Как это понимать? – но наткнувшись на стену льда в очередном взгляде, начинаю понимать. – Ты не на мне жениться собрался, да?

– Так нужно. Я прошу тебя, не делай сейчас никаких поспешных выводов. И тем более не вздумай совершать что-то, о чём потом пожалеешь. Слышишь?

Головой мотаю сильно, отрывисто. Кажется, вот-вот мозги к хренам разлетятся. Или их остатки, едва уцелевшие после любви этой ненормальной.

– Нет, Заур. Нет. Ты не можешь так со мной поступить. Не сейчас, когда я ради тебя всё перечеркнула. А моя дочь? Ей ты что скажешь?

– Не я. Ты скажешь, – следует ледяной, обжигающий стужей ответ, и Омаев отстраняется. – Мне нужно собрать свои вещи. А ты иди к ребёнку.

ГЛАВА 10

Я не верила до последнего, что он уйдёт. Пока не вышел с сумкой из нашей спальни и не зашагал к двери. Я же, стоя под стеной и обнимая себя руками, отчего-то продрогнув, ждала. Чего? Да откуда же мне знать? Наверное, хотелось понять его поступки. Все. Начиная с похищения и заканчивая резким уходом.

Он вздохнул, швырнул сумку на пол и, оперевшись в стену рукой, склонился к моим губам.

– Прости. За всё дерьмо, в которое я тебя втянул, прости. Я хочу, чтобы ты верила мне. Слышишь, нет? – поймал моё лицо за подбородок, в глаза заглянул. А мне не видно его лица из-за слёз, застилающих взор. – Илан? Слушай меня внимательно. Я вернусь за тобой. Просто дай мне время, чтобы решить все вопросы с кланом, и я снова буду рядом. А пока оставлю своего человека. Он будет за вами приглядывать. И если что-то понадобится, звони ему. Держи, – мне на ладонь ложится визитка, а губы Омаева накрывают мои и быстро целуют. – Мне нельзя оставаться с вами. Не сейчас. Я должен...

– Да, я слышала. Ты женишься на другой, – обрываю его идиотские оправдания, потому что сейчас он выглядит, как гребаное дерьмо. Заур Омаев не должен оправдываться. И никогда так не делал раньше. И хорошо, что не делал. Потому что это унижает. Причём не его, а меня. Чувствую себя сейчас какой-то жалкой нахлебницей, попрошайкой, всеми силами пытающейся выклянчить себе кусочек счастья. А я не хочу клянчить. Выпрашивать не хочу. Только не у него.

– Илан, ты не услышала главного. Я вернусь. Помнишь? Я всегда буду возвращаться, – встряхивает меня, продолжая удерживать за лицо. А мне

плюнуть в его глаза бесстыжие хочется.

– Не надо возвращаться, Заур. Если ты на другой женишься, не возвращайся. Я шлюха, да. И, может, мудрые люди были правы, когда говорили, что бывших проституток не бывает, но я не стану...

Он рот мне зажимает, свои челюсти сжимает до хруста.

– Я тебе говорил, чтобы больше не произносила этого, – долго смотрит на меня, а потом со стоном отпускает, выругавшись себе под нос. – Илан, у меня сейчас нет времени объяснять тебе, что и почему я должен сделать. И возможности такой нет. Не сейчас! Просто поверь мне! Доверься! И не уходи никуда. Здесь безопасно. Илан, они не позволят нам быть вместе, пока я не женюсь на той, которую они мне выбрали. Таков закон. Так надо.

Хватает сумку, ещё раз на меня взглянув, что-то хочет сказать, но тут же закрывает рот и спешит к двери.

– Если уйдёшь сейчас, это будет значить, что ты меня бросил, – последняя попытка дрожащим голосом, однако Омаев не реагирует. Молча уходит, плотно прикрывая за собой дверь, а его ключи остаются на тумбочке.

Утром меня находит тётя Нина. Всё там же, под дверью. Трогает за плечо, слегка тормозит.

– Иланочка? Что с тобой, девочка? Что?! Плохо?

Я открываю глаза, отстранённо улыбаюсь и медленно качаю головой.

– Мне уже давно плохо, тётя Нин. Так плохо, что душа наизнанку. А ему плевать. Он поиграл в романтику с похищением невесты, поиграл в семью и, вспомнив, что невеста-то – шалава, свалил. К той, что почище будет. От которой другими мужиками не воняет. Жениться он должен. Смешно, правда? – кривлюсь от подступающей к сердцу боли. Она волнами накатывает, иссушает, заставляет его корчиться. И это не унять. Никак не унять.

– Ты что?! Ты с ума сошла, такое говорить? Да ты у меня чище всех этих правильных, ясно?! И плевать мне, кто там что считает! Я бы на чистоплюев посмотрела, когда твой ребёнок погибает, а государство только руками разводит! Чиновничьи жирные хари только до отказа набивают, чтоб не исхудали, бедненькие! А на людей всем плевать! Сколько матерей-одиночек так мается, а? Знаешь? А я тебе скажу! Тысячи! Тысячи несчастных женщин! Так у них хоть дети здоровые! А случись что, они бы все туда пошли, куда ты ходила! И плевали бы на мнение всяких высоких сударей! И тебе должно быть плевать! – тётя Нина выдохнула и, в сердцах пнув свой сапог, попавший ей под ноги, села на полку для обуви, складывая руки на колени.

Я же, порядком охренев от её монолога, даже реветь перестала.

– Да ладно вам, не нервничайте...

– Ага! Сейчас! Под дверью она сидит, страдает! Нашла из-за кого! Тоже мне! А Заур твой ещё прибежит. В ногах будет валяться, когда поймёт, что другого счастья нет, чем любимую обнимать. А коль не прибежит, так и пошёл он в задницу. А что? На себя в зеркало глянь. Красивая девка. Вон какие мужики таскались. Тот же Альберт Станиславович. Не ровня твоему Зауру.

Я уронила голову в ладони, зарылась пальцами в волосы и изо всех сил потянула. Так, что корни затрещали. Не вовремя тётя Нина Банкира вспомнила. И так тошно, а тут ещё его лицо перед глазами. Как, должно быть, ищет, Кощя своего гоняет. А тот злой и весь в мыле, следы мои вынюхивает и глазёнками своими рыбьими высматривает. Почему-то вариант, где Альберт отпускает меня и забывает, я не рассматривала. Не тот он человек, чтобы такое оскорбление с рук спустить. Не простит, не проглотит.

– А вы, значит, видели, как Заур собирался? – чувствую, как к щекам приливает кровь. Всё же трахаться в клубе, там, где тебя никто не знает, – это одно. И совершенно другое, когда свидетелями этому становятся члены семьи.

– Да ничего я не видела, – отмахивается тётя Нина, словно успокаивая меня. – Просто знала, что так будет. Он вспылил тогда, когда тебя увёз. И сам уже не рад. С одной стороны, жалко остолопа, да только тебе от того не легче, – резюмирует моя проницательная тётя Нина, а я соглашаюсь с ней, кивая. – Ты меня послушай, девочка. Я старая женщина уже, многое повидала. Ты к

Альберту Станиславовичу лучше вернись. Он мужчина хороший, правильный. Он простит. А иначе что делать будешь? Да и Мариаше скоро на осмотр опять. А доктор-то один у нас. Другого такого найти сложно будет. Либо найдёт тебя сам, либо ты переиграешь всех этих товарищей. А теперь прекращай слёзы лить. Пойдём, завтрак приготовим. Скоро принцесса наша проснётся.

А я мурашками вся покрылась от одной мысли, что, и правда, вернуться придётся. Как я смогу? После всего, как? Но встаю, заставляю себя. Иду за тётей Ниной, упрямо глотая слёзы и ком в горле величиной с каменную глыбу. В одном она права на все сто. Я ради Марианны ещё и не такое выдержу.

ГЛАВА 11

Уходить было тяжело. Не мог смотреть в её глаза, по сердцу полосовало разочарование в них. Это последнее, что он хотел бы там увидеть. Чувствовал себя гребаным слабаком, сбегаящим от проблем и бросающим любимую женщину на произвол.

Конечно, всё не так. Но объяснить ей не мог. Чтобы разыграть многоходовку, которую он распланировал, нужно, чтобы всё выглядело более чем естественно. А иначе нет смысла дёргаться. Тогда уж проще самому и её, и себя...

Илана, конечно же, его не поняла. Да и кто бы понял. Он сам себя не понимал, потому что творил несусветную дичь. Играть в такие игры с кланом – это самая настоящая глупость. Самая бредовая идея из всех, которые когда-либо посещали голову Омаева. Но раз уж решил, должен довести всё до логического конца. Конец, к слову, может наступить для него намного раньше, если затея провалится. Но как любит говорить Саид: удача рискованных любит.

Хоть и погибать Зауру жутко не хотелось. Не сейчас, когда только вкус жизни познал. С ней, с ведьмой этой, его околдовавшей. А в случае провала так и будет. И не соберут его костей лучшие ищейки клана.

– Я вылетаю в Грозный утром, – ещё раз взглянув вверх, на окна, за которыми сейчас, должно быть, плачет Илана, сел в машину и завёл двигатель.

– Отлично. Рад, что ты сделал верный выбор, Заур.

– Не забудь о том, что ты обещал. Пусть твои быки забудут о моей женщине.

– Уже забыли, – было слышно по голосу из динамика, как скалится довольный Мусаев.

– Джамал?

– Да?

– Если кинешь меня – я убью тебя.

– Довольно смелое заявление для того, чья жизнь в моих руках. Но я слово свое держу, Заур. Тебе не о чем переживать. Только больше не произноси таких слов. Я не люблю, когда мне угрожают. Жду тебя после свадьбы, брат. Совет да любовь, – Джамал сбросил вызов, а Омаев глухо застонал, откидываясь на спинку сидения.

Назад пути нет. Теперь только вперёд и до победного.

В Грозном его уже ждали. Не успел сойти с трапа, как тут же был окружён. Не то чтобы он не ожидал, но выглядело всё же дерьмово. Почувствовал себя каким-то арестантом. И хоть вели себя ожидающие крайне тактично, но напряжение витало в воздухе, Заур им буквально дышал.

– Здравствуй, Заур. Рад тебя видеть, сынок, – его встречал Далхан, один из старейшин, что заставило Омаева приуныть. В любое другое время он принял бы это за огромную честь. Но не сейчас, когда в клане его считали изгоем, так нагло посмевающим нарушить устои и законы.

– Здравствуй, дядя Далхан, – врать, что тоже рад, не стал. Ни к чему. Да и траур нужно изобразить. Они должны думать, что Илану убили люди Джамала.

– Ну ты заставил нас понервничать. Вот от кого, от кого, а от тебя не ожидал, – взглянул исподлобья тот и, развернувшись, пошёл к выходу из аэропорта. Омаев последовал за ним, склонив голову, а следом и вся многочисленная охрана.

Уже в машине отключил телефон, в последний раз взглянув на фотографию на экране. Там сонная Илана счастливо улыбалась ему своей солнечной улыбкой, и Заур подумал, что ради неё, этой улыбки, готов горы свернуть. Если понадобится, весь клан нахрен вырежет, но к ней вернётся. Что бы ни ожидало впереди. Что бы ни случилось.

И уже скучал. Нутро горело от нехватки воздуха. Вроде и дышал, а надышаться не мог. Будто весь кислород выкачали и оставили только углекислый газ. Её запах теперь преследовал даже там, где его быть, в принципе, не могло. И глаза её зелёные видел у каждой мимо проходящей девушки. Ещё только несколько часов прошло. Три или четыре. А уже тошно до воя. И назад рвануть хотелось, только нельзя.

– Ты же понимаешь, что за такие проступки мы наказываем? – заговорил Далхан, а Омаев поморщился. Начинается.

– Понимаю, – кивнул покорно.

– Так пусть же твоим наказанием станет эта грязная девка. Воспринимай это, как урок. Жизненный и необходимый. Знаешь, я однажды отдыхал в горах и всю неделю наблюдал за семьёй орлов. Там орлёнок, уже довольно крупный, никак не хотел учиться летать. Его мать всё таскала ему еду в клюве, и он сидел себе в гнезде, ни о чём не беспокоясь. Так вот однажды матери это надоело. И она вышвырнула его из гнезда, – старик усмехнулся, глядя в глаза Зауру. – И, о чудо! Орлёнок полетел, когда понял, что под задницей больше нет гнезда и, чтобы не разбиться о камни, ему нужно пошевелить своими крыльями. Вот и ты мне напоминаешь этого орлёнка. Хоть уже и оперился, но всё никак не осознаешь, что ты больше не ребёнок, которого мы жалели и холили, потому что он был сиротой. Теперь, чтобы спасти себя, тебе придётся поработать.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.me/sherr_anastasiya/zaur-2-zaberu-tebya-sebe

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)